

УДК 81.282.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-101-115

## НАРОДНАЯ ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ 50–60-х ГОДОВ XX ВЕКА В ВОРОНЕЖСКОМ ГОВОРЕ

Л. В. Недоступова

Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия

В данной работе воссоздана сакральная традиция середины ушедшего столетия. Актуальность обращения к тематике настоящего исследования вызвана имеющимся интересом автора к поминальному ритуалу, бытовавшему в небольших сельских поселениях родного региона в прошлом веке. Объектом статьи является траурный обычай семейного цикла. Целью работы выступает реконструирование поминальной традиции 50–60-х годов XX столетия в поселке Высоком Таловского района Воронежской области, нашедшей отображение в народной речи и картине мира диалектоносителей. В ходе исследования применялись методы: интервьюирования, анализа и описания. В итоге на страницах научного сочинения сценарий поминовения показан как траурное действие из нескольких этапов: чтение заупокойной молитвы в память о почившем в начале церемонии; трапеза за столом (поминовение яйцом и хлебом, прием обрядовой горячей еды, мясного, молочного и других блюд, выпечки, напитков); чтение заупокойной молитвы и молитвы за здоровье семьи умершего после приема обрядовой пищи, которую готовили из продуктов натурального хозяйства. В картине мира высочан нашли выражение: отзывчивость на беду и горе односельчан, сочувствие несущим траур, добродетель и милосердие, участливость в жизни окружающих, сохранение существующих десятилетиями элементов сакральности и атрибутов ритуальности как духовной культуры. В самобытном мировоззрении сельских людей заключена семейная обрядность. Сделан вывод: традиция поминовения, отраженная посредством южнорусского диалекта, закреплена в местных законах и являлась своеобразной святыней. Правила поведения и нормы скорбного ритуала складывались годами, прежде чем приняли определенный формат. Траурный обычай выступал частью народной картины мира, в которой велика роль представителей старшего поколения. В новых реалиях XXI века в поминальном обряде поселка происходит трансформация. Новизна изыскания состоит в том, что в нем описан интереснейший траурный ритуал жителей небольшого сельского поселения Воронежского края. Практическая ценность работы заключается в том, что собранными свежими диалектными сведениями можно пополнить материалы российского проекта «Лексический атлас русских народных говоров», а также Центра региональных лингвистических исследований при Воронежском государственном педагогическом университете.

**Ключевые слова:** поминальная традиция; деревенский ритуал; картина мира; народная речь; воронежский говор.

**Цитирование:** Недоступова Л. В. Народная поминальная традиция 50–60-х годов XX века в воронежском говоре // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2025. Вып. 1 (69). С. 101–115. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-101-115.

## Folk Traditions of Memorial Funeral Rites in the Voronezh Dialect in the 1950–60s

Lubov' V. Nedostupova

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

This study reconstructs a sacred memorial tradition of the mid-20th century. The relevance of addressing this research topic stems from the author's interest in the memorial rituals practiced in small rural settlements of their native region during the previous century. The article focuses on the mourning custom within the family cycle. The aim of the study is to reconstruct the memorial tradition of the 1950s–1960s in the village of Vysokoye, Talovsky District, Voronezh Oblast, as reflected in the folk speech and worldview of the dialect speakers, using the methods of interviewing, analysis, and description. The resulting scenario of commemorating the deceased is presented as a mourning act consisting of several stages: reading a memorial prayer in memory of the deceased at the beginning of the ceremony; a meal at the table (commemorating the dead person with a slice of bread and an egg, eating ritual hot food which necessarily includes a meat dish, a dairy dish as well as some other dishes, pastries, and beverages); reading a memorial prayer and a prayer for the health of the family of the deceased after consuming the ritual food which must be prepared from products of natural farming. In the worldview of the Vysokoye residents, these rites express the following values: sympathy for the misfortune and grief of fellow villagers; compassion for those in mourning; goodness and mercy; participation in the lives of others; and preserving elements of sacredness and ritual attributes that have existed for decades as part of the shared spiritual culture. This unique perspective of rural residents is an expression of important family rituals. The author concludes that the tradition of commemoration, reflected through the Southern Russian dialect, is fixed in local customs and laws and serves as a kind of shrine. The rules of conduct and norms of the mourning ritual developed over many years before taking a specific format. The mourning custom was part of the folk worldview, in which the role of the older generation was significant. In the new realities of the 21st century, the memorial ritual in the village is undergoing transformation. The novelty of the research lies in the description of an interesting mourning ritual of residents of a small rural settlement in the Voronezh region. The practical value of the work is that the collected fresh dialect data can supplement the database of materials collected by the project “The Lexical Atlas of Russian Folk Dialects” as well as by the Center for Regional Linguistic Studies at Voronezh State Pedagogical University.

**Key words:** funeral memorial tradition; village ritual; picture of the world; folk speech; Voronezh dialect.

**Citation:** Nedostupova, Lubov' V. (2025) Folk Traditions of Memorial Funeral Rites in the Voronezh Dialect in the 1950–60s. *LUNN Bulletin*, 1 (69), 101–115. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2025-69-1-101-115.

### 1. Введение

В XXI веке интерес многих исследователей обращен на рассмотрение разных аспектов языка. Научные статьи ученых нашей страны свидетельствуют о значимости изучения всего, что связано с семьей, малой и большой Родиной. Связь языка и культуры отображает мировоззрение и ценностные особенности людей того или иного социума.

Обратим внимание на то, что «протекающие в новом тысячелетии процессы приводят к сокращению количества сельских территорий в России <...>. В такой ситуации некоторые населенные пункты и вовсе исчезают с географической карты <...>, утрачивается и язык простого русского народа» (Недоступова 2022b: 43). Разумеется, с его угасанием бесследно исчезает бесценный пласт определенной культуры.

Необходимо отметить, что на протяжении нескольких десятилетий проблемой изучения похоронно-поминального ритуала занимались многие исследователи (Листова 1983; Сурхаско 1985; Байбурин 1993; Зеленин 1995; Дроботенко 2002; Логинов 2003; Толстая 2003; Седакова 2004; Колкова 2009; Крашенинникова 2009; Терюков 2009; Коконова 2011; Разумова 2011; Андрюнина 2015; Никифорова 2015; Бобрихин 2016; Толстая, Филатова 2021; Недоступова 2022a, 2022b, 2024 и др.). Учеными установлено, что этот обряд оказывается своеобразным комплексом действий родных и близких покойного и позволяет получить представление о духовной и материальной культуре жителей конкретной местности. Однако в данном аспекте многие сельские территории остаются неизученными или изученными не в полном объеме.

Настоящая статья является продолжением работы «Похоронная традиция 50–60-х годов XX века в народной речи Воронежской области: этнолингвистический аспект», вышедшей в Москве (Недоступова 2024), в цикле «Похоронно-поминальная традиция 50–60-х годов XX века».

Актуальность обращения к тематике исследования вызвана имеющимся интересом автора к траурному ритуалу, бытовавшему в небольших сельских поселениях родного региона в прошлом столетии. Бесспорно, каждый из них имеет свои отличительные особенности.

Любопытные сведения мы зарегистрировали в одном населенном пункте Центрального Черноземья. Обратимся к его истории: «Образование поселка связано с последним этапом заселения Воронежского края в начале XX века <...>. Звались эти места Каменной степью <...>. Осенью 1921 года пришло решение Воронежского губернского Совета Народного хозяйства “Жителям села Озёрки Козловской волости Бобровского уезда разрешено заселить участок в 6 км южнее Таловой”. Поселок Высокий <...> был основан в 1922 году. Получил свое название по возвышенности, склоны которой сбегают на север до долины почти исчезнувшей теперь реки Таловая» (Гриднева 2007: 1–7).

Известно, что за 100 лет в деревенском социуме создана определенная инфраструктура: почта, медицинский пункт, общеобразовательная школа, детский сад, клуб, библиотека, два магазина, современный стадион и другое. Сейчас здесь проживают более тысячи человек. В составе населения представлены все возрастные группы.

Объектом настоящей статьи стал траурный обычай семейного цикла. Предметом изучения является проведение поминального ритуала, не освещенного в науке.

Целью работы является реконструирование поминальной традиции 50–60-х годов XX столетия в поселке Высоком Таловского района Воронежской области, нашедшей отображение в народной речи и картине мира диалектоносителей.

## 2. Характеристика материала и методов исследования

Прежде всего, укажем, что нами проведены длительные беседы с респондентами в непринужденной обстановке в Высоком, касающиеся содержания и проведения ритуальных действий середины прошлого века.

Живая речь селян старшей возрастной группы стала языковым материалом научного исследования. В арсенале автора оказались многочасовые интервью, записанные в процессе общения в 2022 и 2023 гг., а также аудиозаписи бесед с высококовчанами в 2009 г.<sup>1</sup>

В ходе исследования применялись методы: интервьюирования, анализа и описания.

## 3. Результаты исследования и их обсуждения

Обратим внимание на то, что после смерти человека высоковане организовывали и проводили два ритуала: похоронный и поминальный. Как стало известно, «похоронному обряду придавалось особое значение наряду со свадебным ритуалом, поскольку именно эти традиционные действия выступали главными среди мероприятий деревенского семейного цикла» (Недоступова 2024: 19). Естественным продолжением похорон становился обычай поминовения.

Воссоздадим картину обрядовых универсалий и репрезентируем ее на страницах этой работы.

По воспоминаниям высококовских респондентов становится ясно, что в поминальном процессе участвовал весь поселок. И хотя изысканным разнообразием блюда не отличались, их подготовка соответствовала прежней традиции: (1) *Гатóвили ба́бы все́ в ру́сской пяче́. Ро́дныи принаси́ли куре́й, снаси́ли всем сяло́м куре́й. Ка́жный двор на аднэ́й птíцы. Ё́их шишпа́ли ва врямя́нти, а тады́ вари́ли*<sup>2</sup>.

Как известно, использовали продукты натурального хозяйства: то, что выращивали крестьяне на своих приусадебных участках (огородах), а также мясо

---

<sup>1</sup> ПМА (полевой материал автора): Гриднева Любовь Яковлевна, 1943 года рождения, запись 2023 г.; Бочарникова Мария Михайловна, 1947 года рождения, запись 2022 г.; Матвеева Дина Михайловна, 1921 года рождения, запись 2009 г.; Кончакова Мария Анатольевна, 1927 года рождения, запись 2009 г.; Воронина Лия Анатольевна, 1940 года рождения, запись 2009 г., коренные жители п. Высокий.

<sup>2</sup> В работе используется русская упрощенная транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.

домашних птиц и др. Полагаем, что особого достатка многочисленная в тот период деревенская семья не имела, а возможности покупки каких-либо продуктов для роскошных блюд не было. Однако находящиеся в домашних закромах высокоchan припасы: овощи, фрукты, мясо, молоко и яйца — позволяли приготовить поминальное кушанье хорошего качества. У селян действительно были преимущества в употреблении здоровой, экологически чистой еды. Эти факты свидетельствуют о повседневной рутинной работе деревенского жителя, с одной стороны, и об имеющихся возможностях, с другой. Важным оказывается уточнение, что в XXI веке таких ресурсов многие в Высоком по субъективным причинам не имеют.

Подчеркнем, процесс приготовления поминальной пищи начинался с растапливания печи: (2) *Ната́пвали печь кизяка́ми, чи́б а́на́ нака́ли́лася, жа́ром ды́хала. Ё́их тады́ памно́га де́лали с каро́вьйга наво́зу и скла́дали в сара́й. Ка́ли печь га́това, за́чина́ли в ние́ задвига́ть чигуны́ и ско́врады. Все́ га́товили в пня́е в ба́льши́х чигуна́х, нажа́рьвали печь, стана́вили на за́гне́тку в у́стью пе́чи. Рагача́ми задвига́ли ё́их па́глуби, чи́п паня́ть, зга́товилася а́ль нет. Аттэ́дова да́става́ли качарьго́й и рагачом. Ё́жели в ма́линти́х чигунка́х, то рога́чикам.*

Далее следовал этап хлебопечения. Он нашел отражение в диалектной речи: (3) *Хле́бы пня́ли. Те́сту в дя́же га́товили, тады́ в кру́глаи фо́рмы раскла́дали и атпра́вля́ли ф печь. Лапа́та была́ ды́рявя́нная для хлябо́в. Пня́ли хле́п аржа́ной. Он пады́ма́лси, вку́снай был, ста́ять мо́х ни́де́лю и ни че́рствел.*

Одновременно выпекали пышки: (4) *Иишо́ пы́шти пня́ли ф пня́е. Пы́шти пня́ли из сваёй му́ти. Ат хля́бнага те́ста тады́ а́ддя́ля́ли на пы́шти. Пня́ли ниба́льшени́нтий, кружо́чками. А́ни на скавра́де зару́мяне́ють, пады́мутца. А как падава́ть, ё́их пали́вали гу́стым сиро́нам: са́хар с вадо́й разва́дили, чи́п сла́ттийи бы́ли.*

В качестве особого лакомства иногда подавали блинцы: (5) *Хто пабага́че, э́нти талкля́ паша́но в сту́пи талка́ча́ми, прасява́ли и пня́ли бли́нцы с э́таю па́шани́шнай му́ти.*

Уточним, что (6) *тады́ на за́гне́тке фсяды́ ляжа́ла а́тымалка, ей ба́бы бра́ли ско́врады и чигуны́, чи́б не абжа́е́чь ру́ти. Ту́та жа́ с пе́чий бы́л ко́ник, така́я ши́ро́кая дубо́вая ска́мья, на ние́ стана́вили чигуны́ с ядо́й. За пе́чий за́кау́лак, та́ма ста́ять рагачи́, лапа́та, ча́плюшка, все́ па́д ру́ками у ха́зяйти.*

Стоит обратить внимание на следующий этап — приготовление лапши ручной работы для последующей варки горячего блюда: (7) *Ла́пиу́ сво́йскаю же́ниши́ны са́ми де́лали. Му́ка была́ пи́ани́шная, ту́та ме́льница ста́яла се́ре́дь пасе́лка. Яйцы́, ва́да, му́ка — раска́твали ска́лкай те́сту па́то́ни, сва́ра́чали в руло́н, ре́зали на ме́лтийи кружо́ки, суши́ли в пня́е. Потом вари́ли бульо́н: (8) Из ку́рей га́товили бульо́н на бо́рыш и на ла́пиу́. Как то́льтя мя́са сво́ритца, ё́ие*

даставáли. А бульён салíли и адíн аставля́ли на бо́рыш, э́нтат — на лапи́ш. Туды́ засыпа́ли карто́хи, капу́сту, намидо́ры в бо́рыш. А в друго́й — лапи́ш.

Укажем, что мясо кур доставали из чугуна и выкладывали на большие сковороды, прикрывали, отправляли в печь ча́плей (приспособлением на деревянной ручке с крючком на конце, чтобы цеплять посуду). Оно находилось в печи, чтобы оставаться горячим перед подачей на стол. По свидетельству информантов, (9) мя́су кура́тину падава́ли куска́ми. Дяли́ли ку́рьцу на куски́, а тады́ за сталом́ ка́жрый дли́ сибё́ вазьме́.

Согласно правилам, (10) гато́вили и мало́ишаю ка́шу. Пашано́ дли́ ней талки́ в сту́пи, измя́ляли. Чиб ка́ша не́жная была́. Наливали в чигуны́ малако́, падагрява́ли. Туды́ засыпа́ли крупу́, и в печь задвига́лиси чигуны́ с ка́шей. Та́ма ана́ тамíлася.

В качестве пищи использовали квашеную капусту. Любопытно, что (11) ква́сили в э́нтаю по́ру в каду́штях капу́сту, ана́ была́ в ка́жном дваре́. Салёнаю капу́сту тады́ палива́ли ма́слам по́сным и падава́ли в ча́штях.

Среди поминальных напитков традиционным был кисель: (12) Тисе́ль вари́ли. Крахма́л тады́ са́ми де́лали ис карто́х. Карто́хи на крахма́л прамыва́ли, те́рли. Прасу́швали крахмал, вари́ли тисель. Яго́ подкра́шивали красíтилем и падава́ли.

По свидетельству информантов, на столе стоял еще и компот: (13) Канпо́т иишо́ зимо́й вари́ли ис суше́ных я́блокоф. Ле́там — ис слив, я́блоков, гру́шаф. В саду́ э́тая все́ расло́. Важная деталь: компот ставили заранее, а кисель — подавали позже.

Отдельно следует сказать о том, что спиртной напиток для скорбных мероприятий всегда имели в запасе. О любопытном процессе его местного приготовления нам поведали респонденты: (14) Самаго́н гна́ли са́ свяклы́ са́харнай. Йи́е сажáли тады́ у сибё́ фсе. Свяклу́ вари́ли в чигуна́х, дави́ли сок из ей че́ризь тря́пку то́нкаю, как ма́рля бы́ла. Ква́сили в ха́ти, в тя́плё стаи́ть игра́я, апасля́ гна́ли. Он был сла́бинтий, биз дра́жжэ́й.

Итак, полученные в ходе бесед с коренными жителями Высокого сведения свидетельствуют о том, что после погребения усопшего на сельском кладбище, именуемом погостом, люди возвращались к дому почившего. Уточним, на месте захоронения не поминали.

Отметим, участники высококовской процессии были одеты в траурную одежду в соответствии с существовавшими правилами: допускались черный, коричневый и темно-синий цвета.

Укажем, похоронный обряд логически сменялся в доме умершего поминальным. По местной традиции на первые поминки не приглашали, люди приходили сами.

Поскольку деревенское жилище в описываемый период времени не отличалось вместительностью, располагались одновременно в нескольких домах: (15) *Ра́ни памина́ли упако́йника в двух-трёх дварах. Ро́дных тады́ было́ памно́га, а хатёнти нибальше́нинтийи. Вот и накрыва́ли и ту́та, и та́ма у сасе́див. Тады́ нихто́ ни ат каго́ ни атгара́жвалси, жили паи́ти все ади́на́ква.*

Как правило, перед печальной трапезой возвратившиеся с погоста обязательно мыли руки. Считалось, что водой смываются остатки земли после бросания ее на гроб, а также вся негативная энергетика кладбища.

Далее сценарий поминовения начинался с чтения заупокойной молитвы за столом. Добавим, что и сейчас эта традиция сохранена.

Затем переходили к собственно застольной пище. Следует отметить, что главную функцию в подготовке обрядовых кушаний выполняли женщины, которые несли траур по почившему. Они и подавали еду на стол.

Традиционно после молитвы первыми к скорбной трапезе приступали молящиеся — те, кто делал обход гроба почившего, читал заупокойные молитвы, и копачи — те, кто копал могилу. К ним присоединялись остальные. Изначально съедали вареное яйцо и кусочек хлеба.

Укажем, что еда: квашеная капуста, пышки и компот — стояла на столе.

Подчеркнем, далее подавали горячее — борщ. Спустя некоторое время — лапшу и мясо. После этого ставили молочную пшеничную кашу. В конце трапезы приносили кисель. Примечательно, что в поминальном обряде третьего десятилетия XXI века пшеничная каша и кисель не представлены.

Добавим, из уст респондентов стало известно, что в 60-е годы (16) *ино́й расхто пабага́чи зача́ли падава́ть кансе́рву, караме́льти вышнёваи аль сливо́ваи, пиче́ньи иль бу́лачти.* Однако это не характерно для всех мероприятий такого содержания.

Следует отметить, что индивидуальной посуды для горячих блюд за общим столом не было: (17) *Ча́шти бы́ли лиме́нэваи, кру́шти палиты́е. Ло́шти бы́ли ди́рвяннай, Нафто́льтя и Ми́шка Лапаси́хин йих де́лали. Стана́ви́ли так: бо́рыш на два́йих, а мя́су чи́б сра́зам че́тви́ра дастава́ли. Дво́я с аднэ́й стара́ны, дво́я наспро́ти сиде́ли.*

Спиртное подавали в период поминальной трапезы, однако его не разрешалось ставить на стол: (18) *Нали́вали са́маго́н с ча́йника. Бы́л мужучо́к, он абнаси́л всех. Чилаве́к пра́хадил и ка́жнаму нали́вал — мужука́м. Нали́вали в стака́н 100 грамм. Ади́н вы́пья, друго́му нали́вають. С няго́ джо́жа ни пьяне́ли, са́вяко́льнага. В нём кр́е́пости ни бы́ло ба́льшой.* Надо учесть, что траурная домашняя трапеза не должна была переходить в пирушку, поскольку скорбь не позволяет веселиться в минуты печали.

Лексика, отражающая поминальную еду и питье, представлена следующими именованиями: *хлѣбы, пышити, сирѳн, лапшѳ, яйцы, бѳрыш, курѳтина, малѳшная кѳша, пашанѳ, тисѳль, крахмѳл, канпѳт, сушѳные ѳблаки, слѳвы, грушѳ, самагѳн, салѳная капѳста, мѳсла пѳсная* и др.

Далее обратим внимание на то, что в Высоком на скорбных мероприятиях стаканы не должны были стучать. Каждый поминающий произносил такие слова: «Место покойное — светлый рай»... Этим и ограничивалось.

Отметим интересную деталь високовской традиции: (19) *Бѳбы и мужутѳ сидѳли парѳзъ, в рѳзных хѳтах. Дитѳей за стол ни сажѳли. Сямѳя ни садѳлася. Анѳи зачинѳли паминѳть, кадѳ фсе памѳянуть*. Порядок ритуального обычая соблюдался. Первостепенное внимание уделялось всем, кто пришел разделить горе с родными усопшего. По сути, это местное правило отличалось от действующих в соседних населенных пунктах Таловского района. Известно, что оно существовало в селе Озѳрки Бутурлиновского района, откуда в далеком 1922 г. приехали первые поселенцы на эту степную территорию. Они сохранили норму в прежнем виде.

Поскольку поминальная трапеза в поселке организовывалась в память об усопшем, было принято говорить о человеке только хорошее. Важно произнести в адрес почившего теплые слова, вспомнить доброе.

Респонденты констатируют, что в описываемый период времени тем, кто поминал, хозяева дома не раздавали какие-либо вещи в память о почившем. Однако принято было детям покойного родителя вручать черные отрезные платки (женщинам, девушкам) и отрезные полотенца (мужчинам, парням). Материальное положение семьи в тот период времени не позволяло давать это всем собравшимся, поэтому ограничивались лишь детьми.

Традиционно застольная церемония длилась час — час тридцать минут и завершалась заупокойной молитвой и молитвой за здоровье семьи. Среди односельчан наблюдалось сочувствующее отношение к семье покойного: ее старались поддержать в минуты скорби.

Согласно високовским поверьям, душа покойного со временем поднималась на небо и отправлялась в то место, которое определяют Высшие силы. Знали о рае и аде, но никто с уверенностью не мог утверждать, куда она отправится. Мы зафиксировали интересные суждения: (20) *Хто дѳлал зло — будѳя гарѳть в адѳ. Хто никакѳ ни абѳжѳл, жил на закѳну Бѳжѳьѳму — тагѳ Гаспѳдѳ прѳмѳя в рай. Тѳма птѳцы паѳють и цвятѳ цвятѳуть. Тѳма такѳя жѳзнь, какѳя нѳда за-служѳть тѳта. Тудѳ нѳ всех вѳзъмѳть. На нѳбесах за всѳ кѳжному воздѳстся*. В этом представлении — картина мира верующих людей: за каждое действие на земле придется отвечать на небе, ведь решение остается за Богом.

По сути, ад ассоциировался с огнем, болью, местом расплаты и несения наказания за мирские грехи. Рай, наоборот, воплощал небесную идиллию,



награду господней власти за законопослушное поведение и деятельность на земле. И здесь выбор уже за человеком.

Из уст респондентов Высокого мы узнали и о такой народной примете: (21) *Ёжели саба́ка во́я, ни прикраши́я — в э́нтам дваре́ ско́ра бу́дя упако́йник. Ана́ чу́я бяду́.* Действительно, она сбывалась. Народная память запечатлела и передавала данную информацию из уст в уста.

Необходимо представить веру высочан в силу колдунов, проживающих за территорией поселка, или женщин, обладающих сверхмощными, магическими силами, в деревне. Считалось, что они наводили порчу на неугодных им людей, могли словом проклясть или передать наговоры через предметы, после чего с теми происходили страшные события. Например, нам поведали о мужчине крепкого телосложения, красивой внешности, который поднял нож, подброшенный к нему во двор, как оказалось, представительницей женского пола. Без причины человек начал болеть, терять вес и вскоре умер... О деяниях таких людей догадывались, к ним относились достаточно осторожно.

Добродетель представляет собой особую ценность и заключается в активном желании высочан совершать добро для семьи умершего человека, выражается в той посильной помощи, которую каждый оказывал нуждающемуся в сложившихся обстоятельствах. Это большая забота об односельчанах.

Наконец, следует отметить особенности высококовского говора, отобразенные в речи респондентов. Продемонстрируем яркие *фонетические характеристики*. Черты гласных звуков:

- яканье: *бяду́, в дяжé, дя́ли́ли, измя́льча́ли, ляжа́ла, пада́грява́ли, прася́ва́ли, някля́, свякля́, в тя́плé, цвяты́, хлябо́в, ядо́й;*
- аканье: *двара́х, падава́ли, малако́, пала́тэ́нца, абжечь, атымáлка, никаго́, жалéзныи, ча́плюшка, талкля́;*
- ассимиляция гласного: *чигуны́;*
- переход [а] > [о]: *сво́ритца;*
- переход [е] > [о]: *сваёй, и, наоборот, [о] > [е]: на ние́;*
- появление гласного после согласного — эпентеза: *пашано́* — пшено, *пашани́шнай* — пшеничный, а также в начале слова: *аржано́й* — ржаной, *апасля́* — после, *упако́йник* — покойник и др.; и, наоборот, его исчезновение в начале слова — афереза: *лименёваи* — алюминиевые и др.

Особенности согласных звуков:

- контактная диссимиляция согласного: *канпо́т;*
- звук *γ* фрикативного образования: *γато́вили, γна́ли, γрамм, задви́γали, за́γне́тка, зγато́витца, качарь\_γой, кр\_γу́лаи, ма\_γу́ла, па\_γо́ст, па\_γлу́би, пама\_γа́ли;*
- появление вставного согласного — эпентеза: *э́нти, э́нта́т;*
- йотация: *йих, Бо́жсьи́му;*

– переход согласного [к] > [т]: *ва врямянти* — во времянки, *из муті* — из муки, *пыштити* — пышки, *в кадуштях* — в кадушках, *тисель* — кисель, *крушити* — кружки, *булачтити* — булочки, *лоштити* — ложки;

– переход [ч] > [ш]: *малошинаю*, *пашанишной*, *пашти*;

– диссимиляция согласного по способу образования: *нихто*, *хто*.

Кроме того, наблюдается упрощение отдельных гласных, согласных или их групп: *адинква* — одинаково, *нажарьвали* — нажаривали, *сварачвали* — сворачивали, *сковрады* — сковороды, *курца* — курица, *натапвали* — натапливали, *раскладали* — раскладывали, *раскатвали* — раскатывали, *складали* — складывали, *прасушвали* — просушивали;

– удлинение основы за счет гласных и / или согласных: *борыи* — борщ, *станавили* — ставили, *в энтаю* — в эту, *курэй* — кур;

– диалектное ударение: *густым* — густым, *дыхала* — дышала, *черствел* — черствел, *у печи* — у печи и др. Заметим, что слова в паре *дыхала* — дышала отличаются не только ударением, но и составом фонем.

Далее необходимо указать на некоторые грамматические черты говора:

– окончание -е в форме родительного падежа у возвратного местоимения: (22) *Сажали тады у сибё фсе. За сталом кажный дли сибё вазьме*;

– в окончаниях глаголов 3-го лица множественного и единственного числа замечен -ть: (23) *Ани зарумянеють. Када фсе памянутъ. Другому наливаютъ*. В единственном числе отмечена гласная на конце: (24) *Адин вынья. Сабака воя. Ана чуя. Гасподь примя*;

– разные варианты постфикса: на месте постфикса -сь отмечен -ся: (25) *Накалилася жаром. Асталася горя. Сямья ни садилася*; на месте -ся — -си: (26) *Он падымалси. Ни ат каго ни атгаражвалси*.

Считаем, все вышеперечисленные языковые явления подтверждают функционирование в поселке живого народного диалекта.

#### 4. Заключение

Итак, мы воссоздали високовскую сакральную традицию прошлого, заключающуюся в особенности приготовления и употребления пищи и напитков, и лексику, ее сопровождающую. Коллективный характер организации и подготовки поминального обряда явился свидетельством сохранения достаточно сильных родственных и социальных связей, включенных в систему ценностей селян.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что бытование ритуала в Высоком сопряжено с соблюдением траура — ношения одежды и головных уборов темных цветов. Судя по всему, в церемониале была закреплена строгость и продолжительность скорбного периода. Это во многом отличало высочан

от жителей соседних сёл, где присутствовала гибкость в ношении такой одежды и длительности траура.

Важным оказывается, что в деревенской среде на первые поминки по усопшему не приглашали, все сами являлись поминать после погребения. В этом заключается уникальная местная особенность проведения ритуала. По сведениям наших респондентов, в соседних деревнях Таловского района поминовение с родственниками зачастую не проводили, ограничиваясь только семьей.

По правилам, траурная традиция в день похорон включала: чтение заупокойной молитвы в память о почившем в начале церемонии; трапезу за столом (поминовение яйцом и хлебом, прием обрядовой горячей еды, мясного, молочного и других блюд, выпечки, безалкогольных напитков и немного алкоголя, преимущественно мужчинами); чтение заупокойной молитвы и молитвы за здравие семьи умершего после приема обрядовой пищи. В этом специфика ритуала.

Для приготовления поминального обеда использовали экологически чистые продукты натурального хозяйства. Блюда отличались от других застольных блюд, в частности, присутствовали молочные продукты. Спиртное — свекольный продукт собственного приготовления — не должно было стоять на столе.

Согласно сельским взглядам, если семья недостаточно хорошо организовала поминки, покойный мог об этом говорить, возвращаясь во снах к ним или другим родственникам. Чем богаче был достаток, тем больше пожертвований родные могли позволить в память о покойном. Традиция поминовения была закреплена в местных законах и являлась определенной святыней, ее соблюдали всегда. В этом, на наш взгляд, ее уникальность.

При этом необходимо подчеркнуть, что в определенной части российских регионов поминовение имеет место, но не является обязательным. Известно, что в каждом социуме существуют свои нормы и правила.

Считаем, что бытовавший в поселке Высоком поминальный обряд доказывает существование крепких устоев в организации и проведении скорбного ритуала в середине XX века. Их сохранение обеспечивалось составом деревенской семьи (преимущественно многодетной), а также особой ролью в ней представителей старшего поколения, с одной стороны, и трудовой деятельностью людей на территории своего сельского поселения и оседлым образом жизни, с другой стороны.

Все перечисленные выше черты исследуемого говора, несомненно, дают основание считать его южнорусским.

Вместе с тем показательно, что скорбный обычай является частью народной картины мира, в которой выражены: отзывчивость на беду и горе односельчан, сочувствие несущим траур, добродетель и милосердие, участливость

в жизни друг друга, сохранение существующих десятилетиями элементов сакральности и атрибутов ритуальности как духовной культуры.

Правда, нужно сказать, что в XXI веке, в новых реалиях, в поминальной традиции поселка происходит трансформация. Меняется в некотором роде видение молодого поколения людей содержания прежнего траурного обряда. Однако до сих пор среди многих долгожителей и старожилых сохраняется желание следовать прежним обычаям: *Живём, как наши прѣдки приучили, дяля атвѣдим на закѡну Бѡжиму. Яго саблюдаим и ни атступаем. Гѡспода благодарим.*

Есть основание полагать, что высококовские ритуальные универсалии 50–60-х годов прошлого столетия основывались на базовых семейных ценностях, которые приобрели в Российской Федерации особую актуальность на фоне навязываемых стандартов европейского общества.

В заключение смеем утверждать: настоящее исследование расширяет представление об одном важном скорбном процессе в цикле мероприятий семейной обрядности деревенского социума. Репрезентация ритуального события прошлого в жизни селянина необходима в качестве трансляции интересных сведений в свете нового времени и выступает хорошим опытом для молодого поколения.

Собранными свежими диалектными сведениями можно пополнить материалы проекта РАН «Лексический атлас русских народных говоров», а также Центра региональных лингвистических исследований при Воронежском государственном педагогическом университете.

### Список литературы / References

- Андрюнина М. А. Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. [Andryunina, Mariya A. (2015) *Simvolika prostranstva v slavyanskoj pokhoronno-pominalnoj obryadnosti: etnolingvisticheskiy aspekt: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (Symbolism of Space in Slavic Funeral and Memorial Rituals: Ethnolinguistic Aspect: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. [Bajburin, Al'bert K. (1993) *Ritual v traditsionnoj kulture: Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov*. (Ritual in Traditional Culture: Structural-Semantic. East Slav Analysis Rituals). St. Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Бобрехин А. А. Семантика похоронного обряда уральцев // Национальные культуры Урала. Фольклорный текст и обряд. Екатеринбург: Центр традиционной народной культуры Среднего Урала, 2016. С. 14–34. [Bobrikhin, Andrey A. (2016) *Semantika pokhoronnogo obryada uraltsev* (Semantics of the Funeral Rite of the Urals). In *Natsionalnye kultury Urala*.

- Folklornyj tekst i obryad* (National Cultures of the Urals. Folklore Text and Ritual). Yekaterinburg: Centr tradicionnoj narodnoj kul'tury Srednego Urala, 14–34. (In Russian)].
- Гриднева Л. М. Высокий. Время, события, люди. 1922–2007. Таловая: Таловская районная редакция, 2007. [Gridneva, Lyudmila M. (2007) *Vysokij. Vremya, sobytiya, lyudi. 1922–2007.* (Vysokij. Time, Events, People. 1922–2007). Talovaya: Talovskaya rajonnaya redaktsiya. (In Russian)].
- Дроботенко В. Ю. Предпогребальный период погребального обряда: его вербализация и реальный план в говорах Донецкого региона // Вопросы региональной лингвистики: Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Л. М. Орлова. Волгоград: Перемена, 2002. С. 185–197. [Drobotenko, Valentina Yu. (2002) *Predpogrebalnyj period pogrebalnogo obryada: ego verbalizatsiya i realnyj plan v govorakh Donetskogo regiona.* (Pre-Funeral Period of the Funeral Rite: its Verbalization and Real Plan in the Dialects of the Donetsk Region). In *Voprosy regionalnoj lingvistiki: Sbornik nauchnyh trudov, posvyashchennyj pamyati professora L. M. Orlova* (Issues of Regional Linguistics: Collection of Scientific Papers Dedicated to the Memory of Professor L. M. Orlov). Volgograd: Peremena, 185–197. (In Russian)].
- Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. [Zelenin, Dmitriy K. (1995) *Izbrannye trudy. Ocherki russkoj mifologii: Umershie neestestvennoyu smertyu i rusalki* (Selected Works. Essays on Russian Mythology: Those Who Died an Unnatural Death and Mermaids). Moscow: Indrik. (In Russian)].
- Коконова А. Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. [Kokonova, Anna B. (2011) *Rozhdenie i smert v prostranstve dialekta: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (Birth and Death in the Space of a Dialect: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Колкова Н. А. Русская погребальная паремиология и фразеология в лингвокогнитивном аспекте: смерть как сценарий ухода // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 59. [Kolkova, Natal'ya A. (2009) *Russkaya pogrebalnaya paremiologiya i frazeologiya v lingvokognitivnom aspekte: smert kak stsenarij ukhoda* (Russian Funeral Paremiology and Phraseology in the Linguocognitive Aspect: Death as a Scenario of Departure). *World of the Russian word*, 3, 59. (In Russian)].
- Крашенинникова Ю. А. Похороны «порепному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 299–310. [Krashenninnikova, Yuliya A. (2009) *Pokhorony «porepnomu» (o nekotorykh faktakh pokhoronno-pominalnoj obryadnosti severnykh russkikh)* (Funeral of the “porepny” (About Some Facts of Funeral and Memorial Rituals of Northern Russians)). *Antropologicheskij forum*, 10, 299–310. (In Russian)].
- Листова Н. М. Пища в обрядах и обычаях // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. Москва: Наука, 1983. [Listova, Natal'ya M. (1983) *Pishcha v obryadakh i obychayakh* (Food in Rituals and Customs). In *Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoj Evropy: Istoricheskie korni i razvitiye obychaev* (Calendar Customs and Rituals in the Countries of Foreign Europe: Historical Roots and Development of Customs). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Логинов К. К. Похоронный обряд и кладбище поморского села Гридино // Живая старина. 2003. № 2. С. 2–5. [Loginov, Konstantin K. (2003) *Pokhoronnyj obryad i kladbishche pomorskogo sela Gridino* (Funeral Rite and Cemetery of the Pomeranian Village of Gridino). *Zhivaya starina*, 2, 2–5. (In Russian)].

- Недоступова Л. В. Народный говор сквозь призму похоронно-поминального обряда // Неофилология. 2022а. Т. 8. № 4. С. 715–723. [Nedostupova, Lyubov' V. (2022a) Narodnyj govor skvoz prizmu pokhoronno-pominalnogo obryada (Folk Patois Through the Prism of the Funeral and Memorial Rite). *Neofilologiya = Neophilology*, 8, 4, 715–723. (In Russian)]. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-715-723.
- Недоступова Л. В. Своеобразие дворовых именований сельских семей в южнорусском говоре // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022b. № 6. С. 42–51. [Nedostupova, Lyubov' V. (2022b) Svoeobrazie dvorovykh imenovanij selskikh semej v yuzhnorusskom govore (The Originality of Household Names of Rural Families in the South Russian Dialect). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6, 42–51. (In Russian)].
- Недоступова Л. В. Похоронная традиция 50–60-х годов XX века в народной речи Воронежской области: этнолингвистический аспект // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 1. С. 17–28. [Nedostupova, Lyubov' V. (2024) Pokhoronnaya traditsiya 50–60-kh godov XX veka v narodnoj rechi Voronezhskoj oblasti: etnolingvisticheskij aspekt (Funeral Tradition of the 50–60s of the XX Century in the Folk Speech of the Voronezh Region: Ethnolinguistic Aspect). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1, 17–28. (In Russian)]. DOI 10.20339/PhS.1-24.017.
- Никифорова О. В. Лексическая объективация народных представлений о смерти в нижегородских говорах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 489–492. [Nikiforova, Ol'ga V. (2015) Leksicheskaya ob'ektivatsiya narodnykh predstavlenij o smerti v nizhegorodskikh govorakh (Lexical Objectification of Folk Ideas About Death in Nizhny Novgorod Dialects). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2 (2), 489–492. (In Russian)].
- Разумова И. А. Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей Кольского Заполярья // Труды Кольского научного центра РАН. № 3 (6). 2011. С. 5–18. [Razumova, Irina A. (2011) Pominalnye obryady: tipologiya, stsenarii, funktsionirovanie (na primere sovremennykh semej Kolskogo Zapolyarya (Funeral Rites: Typology, Scenarios, Functioning (on the Example of Modern Families of the Kola Arctic). *Transactions of the Kola Science Centre of RAS*, 3 (6), 5–18. (In Russian)].
- Седакова О. А. Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. Москва: Индрик, 2004. [Sedakova, Ol'ga A. (2004) *Poetika obryada: pogrebalnaya obryadnost vostochnykh i yuzhnykh slavyan* (Poetics of Ritual: Funeral Rituals of the Eastern and Southern Slavs). Moscow: Indrik. (In Russian)].
- Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел, конец XIX — начало XX в. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. [Surkhasko, Yugo Yu. (1985) *Semejnye obryady i verovaniya karel, konets XIX – nachalo XX v.* (Family Rituals and Beliefs of Karelians, Late XIX — Early XX Centuries). Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie. (In Russian)].
- Терюков А. И. К вопросу о структуре погребально-поминальной обрядности (на материале народов коми) // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: Сборник статей памяти Юго Юльевича Сурхаско. Гуманитарные исследования. Вып. 2 / Ред. А. П. Конкка. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 52–55. [Teryukov, Aleksandr I. (2009) K voprosu o strukture pogrebalno-pominalnoj obryadnosti (na materiale narodov komi) (On the Question of the Structure of Funeral and Memorial Rituals (Based on the Material of the Komi Peoples). In Konkka, Alexey P. (ed.) *Problemy duhovnoj kul'tury narodov Evropejskogo Severa i Sibiri: Sbornik statej pamyati Yugo Yul'evicha Surhasko. Gumanitarnye issledovaniya Vyp. 2* (Problems of Spiritual Culture of

the Peoples of the European North and Siberia: Collection of Articles in Memory of Yugo Yulievich Surhasko. Humanitarian Research. Iss. 2). Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 52–55. (In Russian)].

*Толстая С. М., Толстая М. Н.* Погребения в саду у «горюнов» Сумской области // Живая старина. 2003. № 2. С. 10–13. [Tolstaya, Svetlana M., Tolstaya, Marfa N. (2003) Pogrebeniya v sadu u «goryunov» Sumskoj oblasti (Burials in the Garden of the “Goryunov” of the Sumy Region). *Zhivaya starina*, 2, 10–13. (In Russian)].

*Филатова В. Ф.* Лексика архаических элементов погребально-поминального обряда Воронежского края // Лексический атлас русских народных говоров 2021 (Материалы и исследования) / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 533–551. [Filatova, Valentina F. (2021) Leksika arhaicheskikh elementov pogrebal’no-pominal’nogo obryada Voronezhskogo kraia (Vocabulary of Archaic Elements of the Funeral and Memorial Rite of the Voronezh Region). In Myznikov, Sergey A. (ed.) *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov 2021 (Materialy i issledovaniya)* (Lexical Atlas of Russian Folk Dialects 2021 (Materials and Research)). St. Petersburg: ILI RAN, 533–551. (In Russian)].